

Т. Шанин,
профессор,
Манчестерского университета

Иное всегда дано...

Когда собираешься думать о будущем, надо начинать с того, каким образом следует это делать. В центре — вопрос, как справиться с ошибками мышления. Причина непонимания чего-либо, — как правило, это ошибки мышления, а не недостаточность фактов, как принято считать.

Для меня наука начинается с Фрэнсиса Бэкона. Не потому, что он одним из первых стал мыслить научно, а потому, что он первым заговорил об идолах человеческого мышления и создал каталог типичных мыслительных ошибок, связанных с непониманием всем обществом каких-то реалий по каким-то причинам. И мне кажется, что главное в данное время, как всегда в период кризиса, — особенно внимательно рассмотреть то, что нам кажется само собой понятным. И попробовать переосмыслить то, что кажется очевидным.

Я думаю, что каждый период мировой истории имеет свой главный миф. Миф, в котором мы живем, на мой взгляд, идет к нам из XIX века, это — идея линейного прогресса. Любое общество, как принято считать, идет в своем развитии одним и тем же путем. Путь этот — путь прогресса: вперед и вверх. Каждое общество можно, таким образом, определить как более развитое или менее развитое, и все это — обязательно, бесспорно, однозначно. И прекрасно. Значит, этично поддерживать такое развитие, его идею.

Вам кажется, что подобный образ мыслей характерен только для марксизма,

но это не так. Его истоки глубже. Хотя он вошел и в тот марксизм, который Энгельс и Каутский выстроили согласно своему пониманию. (Не случайно Каутский был дарвинистом. Энгельс же в понимании науки вообще и социальных наук в частности был завзятым позитивистом.) Идея прогресса придумана людьми XIX века, которые как бы ощущали само движение, имеющее вектор, — к вершинам прогресса. Именно в этом движении они видели смысл, красоту и цель. В их представлениях оно шло также от многих разновидностей общественного устройства, неадекватных друг другу, к единому, одинаковому в рациональному обществу будущего, которое виделось как монолит. И так думали не только социалисты и марксисты, но и научная общественность, которая в западном мире не участвовала в социалистическом движении.

И когда сегодня читаешь соображения о путях развития Третьего мира, приготовленные американскими советниками президенту, видишь, что они почти полностью сходятся с тем, что мог бы сказать по этому поводу Каутский, правда он бы добавил: «во имя справедливости», они же утверждают — «во славу развития». Но внутренняя логика одна в та же. Демиургом развития, согласно этой точке зрения, объявлен материализм. Диктуют материальные нужды в материальные решения, остальное — рефлексия.

Осмысливая все это по-другому, главное, что обна-

руживаешь: большие революции в истории человечества — это прежде всего изменения в способе мышления, потрясающий скачок в мышлении, а не в материальном мире. В мышлении есть своя динамика, своя сила, и именно оно подчас диктует материальному развитию. Конечно, есть и обратная связь. Но важно, что не должно быть демиурга. В мышлении возникают вопросы: как?, что?, почему?. Мышление формирует наше отношение к материальному миру, изменяет наши требования, и тогда начинает меняться материальный мир.

Ясперс ввел в западную науку понятие великих сломов культурно-социальных структур (axel stages) — это и периоды взрыва мышления, которое в условиях глубочайшего кризиса пробует осмыслить заново существующее. Думаю, в этом нет никакого сомнения: общество меняется каждый раз, когда происходят изменения в осмыслении реальности. И достаточно, чтобы такое изменение произошло в среде интеллектуальной элиты. Большинство же потом постепенно усваивает новое, пока оно не становится новым догматом.

Бывают периоды интенсивного осмысления, рождения разнообразных идей, гипотез — альтернатив. Есть периоды иные, когда такие возможности почему-то сужаются. Объяснить это можно причинами социальными. И потому пассионарность (термин Л. Н. Гумилева), связанная с космизмом, мне не близка. Я исхожу из философского закона средневе-

ковья: если есть несколько объяснений одной и той же проблемы, надо брать самое простое.

Для меня важен вопрос, каковы же истоки центрального мифа нашей эпохи. Что это за фантазмагория и как она возникла. Я и пытаюсь ответить на этот вопрос.

В конце XVIII века перед учеными Европы встали две проблемы. К тому времени европейцам открылось нескончаемое количество обществ. Каждый год корабли уходили и возвращались с сообщениями о новых народах и странах. Разнообразие стало слишком много, надо было как-то его организовать. Надо было ввести порядок в мироздании.

В то же время стали обращать на себя внимание нециклические общественные процессы. До этого все было ясно — жизнь шла, менялись люди, короли, но общество на аримом отрезке времени оставалось тем же. Индустриальная революция все изменила. Появилось чувство необратимости хода развития. И опять нужно было каким-то образом согласовать, увязать и объяснить новую данность.

И вот два этих фактора объединили между собой. Логика была такая: почему общества непохожи? Потому что они развиваются и каждое находится на каком-то этапе одного и того же процесса. А что есть процесс? Это движение через разность. И вот так, объединив в одну линию этапы прогресса, решили две мощные философские проблемы, с которыми не могли справиться по отдельности. Решили так элегантно и просто, что это совершенно загипнотизировало человеческое мышление на сто пятьдесят лет. И мы еще и сегодня не вполне вырвались из этого гипноза. Мощная идея стала сама себя определять. Факты стали вталкиваться в нее. Но в этом случае доказать можно все что угодно!

Так возникла и своя этика, своя мораль, совсем особая, такая, при которой развитие — хорошо, а не развитие — плохо, и, значит, надо поддерживать развитие и сопротивляться всему тому, что не есть развитие в том понимании, которое диктовала идея прогресса. А если так, то можно и наступить ботинком на лицо части ми-

ра, потому что это все во имя будущего человечества. В наиболее абсолютном своем выражении такую мораль принял марксизм сталинского сорта. Но и в западной науке она бытует (вместе с соответствующим образом мыслей). Я уже упоминал о советниках президента США — они ведь хотели наилучшего пути Третьего мира. И были уверены, что знают, каков он. Мы разгромили экономику Африки, ввели Латинскую Америку в долги, из которых ей не выбраться, и это все во имя их блага. Почему? Потому что мы помогли им развиваться. Развиваться — на наш манер, согласно идее прогресса.

То, что представляется страшным в Советском Союзе именем «марксизм», на самом деле не марксизм, а перевернутая формула прогрессизма, которая была принята большинством марксистов, но не всеми. И которая так же сильно бьет по попыткам понять мир как он есть с нашей стороны, как и с вашей. Для интеллигенции Советского Союза типично смотреть на Запад: «у нас не получилось, а на Западе получилось и, значит, надо учиться у них». Но с Запада берется прогрессистское мышление, потому что оно вам ближе, — это тот же сталинизм, но без тоталитарности, без зверства. Это то же самое, только более философски осмыслено.

И выходит, что вы встаете в очередь за теми, кто уже в тупике. Потому что для наиболее передовых ученых Запада совершенно ясно, что с нашим капиталистическим обществом что-то не получилось. И если люди думают, что у нас все в порядке, раз у нас полные магазины, это — большое заблуждение. У нас все капитально не в порядке.

На мой взгляд, наука должна определить, что же самое гипнотическое в нашем мышлении, и, определив, снять шоры и начать думать по-другому. Если самое гипнотическое — идея прогресса, надо думать о других возможностях.

О каких?

Во-первых, мне ясно, что мир не идет от неограниченного количества разнообразия к одному окончательному монолиту. Он идет

от неограниченного количества разностей к неограниченному количеству разностей. Многосложность мира не уменьшается, не исчезает.

Во-вторых, мне ясно, что распространенный принцип сведения сложной реальности к одному, пусть важному, признаку неправилен. Я назвал его «принципом пальца Мидаса».

Как вы помните, бог наказал Мидаса за жадность способностью обращать все одним своим прикосновением в золото, отчего тот и погиб, окруженный горами металла. Вот так и мы — если обнаруживаем в хозяйственной системе элементы капитализма, значит, вся она — капитализм.

На самом деле что такое, скажем, крестьянин в Индии? Там есть большие капиталистические заводы. Капитализм «притронулся пальцем» к крестьянам Индии. Но это вовсе не значит, что крестьяне Индии действуют по-капиталистически. Главное для них — самоудержаться, способность автономного самовоспроизводства.

И с этой точки зрения, я думаю, вообще интересно посмотреть на так называемые маргинальные формы. На те формы, которые не существенны для большинства ученых. В своей работе я обратил внимание на Третий мир и прежде всего на крестьянство Третьего мира. Потому что именно оно демонстрирует чуть ли не неограниченные способности к приспособлению. Оно приспособливается, но всегда по-разному. Меняется, конечно, в какой-то мере, но никогда не становится тем, что его окружает. При том находит разные пути.

Думаю, самое важное в наше время — рассмотреть такие не главные формы, потому что часто бывает, что именно в маргинальных и заключаются ростки будущего, и ростки эти могут быть очень разнообразны.

Сейчас начали появляться очень интересные неформальные варианты экономики. Я предпочел назвать их эксплолярными экономиками*. Мне приходится отчасти повторяться, но еще раз должен заметить, что у уче-

* Объяснение — на стр. 17.

ных есть привычка думать в логике двух полюсов «или — или»: или государственная собственность, или частная, или понемногу того и другого. В жизни, однако, мы видим такое разнообразие, что, работая в этой логике, разобраться в нем невозможно. Но реальность, не укладывающаяся в рамки логики, сбрасывается со счетов. Такой — не укладывающейся — реальности я и дал название «эксполлярная». Вне полюсов — то, что не вписывается в уже существующие рамки представлений.

И вот для меня совершенно ясно, что наиболее сильными оказались те общества, где развита смешанная, «нечистая», эксполлярная экономика. Скажем, если сравнить японцев с американцами, то у японцев экономика, если так можно сказать, более эксполлярна, и они продвигаются быстрее, чем американцы. Возьмем также для сравнения итальянцев и нас, англичан. Англия куда более настоящая капиталистическая страна, чем Италия; в Италии можно видеть большее разнообразие форм ведения хозяйства, результат — итальянцы перегнали нас. Они отставали от нас, имели доход чуть ли не в половину меньше нашего, а теперь они нас перегнали, с чем англичане, конечно, никак не могут смириться.

С моей точки зрения, «чистые» формы хуже «нечистых». Тем не менее в науке предпочтение отдается «чистым», потому что логики любят играть именно этими формами, любят отметать «нечистоту» и где-то в глубине души часто верят, что чем чище форма, тем она лучше. А история доказывает — как раз наоборот. Вера в чистоту формы, предпочтение ее всему другому — это самое типичное «искривление» в угоду логике, а ведь именно глазами логиков общество смотрит на развитие! Это также типичное упрощенчество в мышлении: все должно быть чисто и просто. Математически. Математика очень часто ищет именно такое решение. Но, между прочим, самые крупные математики нашего времени развивают теорию хаоса, предпочитают «нечистоту», нелинейность; работают преимущественно с

формами, в которых «чистота» невозможна. Самое интересное ныне в физике и математике — это как раз проблемы нелинейности. И если нелинейность удастся выразить нематематическим языком, то таким языком нужно и можно будет описать общественные процессы.

«Чистота», между прочим, невозможна, если мы говорим о развитии. Чистота — это в некотором смысле окончательность, исчерпанность, если хотите, тупик. Но меня не надо понимать так, словно я говорю о «нечистоте» как о результате. Нет. Я говорю о «нечистоте», которая никогда «чистой» стать не может. И математическая теория хаоса как раз это отслеживает. Как видите, «нечистые» общества (кроме уже упомянутых, также Венгрия в сравнении с СССР) доказали свои преимущества в экономическом развитии при том же самом строе. Именно многообразие форм увеличивает скорость развития и, если можно так сказать, качественность его (что, может быть, и важнее).

Говоря о разнообразных формах и разных путях развития народов и государств, рождаемых жизнью, стоит сказать и о рузвельтовском «новом пути». Типично советский взгляд, что это — смягченный капитализм. Но «новый путь» — не смягченный капитализм. Это другая форма. И то, что она действует в период капитализма в стране, в которой капитализм — главенствующий тип экономики, ничего не значит. Когда люди собирают деньги не для того, чтобы получить доход, когда люди вкладывают миллионы фунтов в то, что дохода дать не может, а ощущая огромную ответственность за судьбу мира, это не капитализм (с точки зрения чистой модели капитализма). И «новый путь» не надо вписывать в эту модель. Просто капитализм, чтобы развитие продолжалось, становится «нечистой» формой. Общий же вывод напрашивается: иное всегда дано. В том же месте и в то же время.

Важно, на мой взгляд, еще одно — чтобы понимать историю, не обязательно обозревать ее всю с самого

начала. Не обязательно и даже подчас неправильно. Но не потому, что вообще не надо заглядывать на восемь тысяч лет назад и на две вперед, как часто делают в Советском Союзе, а потому, что осмысление может сужать и расширять свои возможности. Сила исторического анализа в том, что он выбирает масштаб исследования. Методологический подход должен быть эластичным. И в этом как раз одна из слабостей метафизического мышления — оно все видит сквозь призму общих категорий в отрыве от социологии и истории, и это лишает способности заметить, что общие категории не всегда дают ответ. Очень часто единственный способ разобраться в характере развития — это как раз взять узкую временную категорию. Иногда десять лет, на пример, могут дать для понимания больше, чем десять тысяч.

Крупный американский социолог Чарльз Миллис, умерший лет тридцать назад, написал когда-то прекрасную статью об искусстве анализа, в которой говорил, что, по его мнению, самое главное в методологической способности социолога — свободно менять уровни абстракции. Сказано очень точно. И для исторического мышления это тоже так. Но чтобы свободно переходить между разными уровнями абстракции, не требуется рассматривать большой исторический отрезок времени. Ведь как раз именно громадность может помешать, потому что с такого ракурса видна лишь направленность движения, но не видна разность его форм.

А если подняться на уровень большего обобщения, то можно сказать, что наиболее опасна невысказанная, непроговоренная мысль. Потому что она и есть причина настоящего общественного гипноза. Ведь гипнотизирует как раз подсознание и интуиция. Речь в данном случае идет не о той интуиции, с которой человек рождается, а о той, которая принимается совершенно не специально, из-за той линзы, которая устанавливается между объектом и субъектом. Подобное внушение опасно, потому что выдвигается за свой, личный, на-

туральный инстинкт. В нашем случае именно такая псевдоинтуиция и заставляет верить также, что комбинация общественных форм — это переходный этап, что окончательна лишь чистый вариант. Страшная ошибка. И линзой, поставленной между нами и жизнью, оказалась вера в однологичность, в одноформальность, в однолинейность. И без того, чтобы эту веру обуздать, мы не сможем понять многообразие истины.

Вера в однолинейность абсурдна еще и потому, что сама природа, которая нас окружает, демонстрирует нам великое многообразие форм, и надо было совершенно оторвать себя от нее, чтобы не видеть, не чувствовать и не понимать этого. Надо было все поставить вверх тормашками, что, конечно, очень удалось. А если все-таки человек выглядывал в окно и замечал великое разнообразие, в результате чего кощунственная мысль об ошибочности выбора приходила в голову, ему говорили, что видение это субъективно. А раз так, то опять все в порядке. И тогда базой и мерой всего становится упрощение. Базой удачи, базой будущего и базой лучших отношений. Одни большой фаланстер Фурье, одно общество, весь мир — единое, прекрасное, достигшее прогресса общество. И придумали это не утописты, как можно было бы предположить, а ученые. Это миф ученых, потому что ученые любят простоту, потому что простота — это центральный элемент работы каждого ученого. (Я говорю это также и в позитивном смысле. Простое помогает понять, с ним можно работать, но только большинство людей, после того как они построили упрощенную модель, забывает вернуться к действительности.)

Думаю, мы идем к кризису аналитического мышления, и кризис этот поможет нам избавиться от многих несостоятельных экономических теорий.

Типичная ошибка, которую я вижу у очень многих советских ученых в данное время, — это так называемый «сталинизм наоборот». Логика такая: если

сталинизм оказался тупиком, значит, есть какая-то другая окончательная теория, которая должна помочь найти выход. То же самое только с обратным знаком. И для большинства советских экономистов это свободный рынок. Серьезное заблуждение, на мой взгляд. На Западе сегодня нет свободного рынка, его уже нет давно, несколько поколений, и сила развития как раз в том и состоит, что его нет. Но нет также и несвободного рынка. Есть комбинация, «нечистая» форма. А у вас же кидаются из чистой формы государственного социализма (которая, правда, никогда не существовала) в чистую форму открытого рынка, который уже не существует. Единственное место, где я нахожу чистый рынок, — это Парагвай или некоторые учебники по экономике.

У меня есть книжка «Россия как развивающаяся страна», в ней я увидел параллель царской России с развивающимся миром нашего времени. Я сказал там, что представленная русскими историками-западниками точка зрения, что царская Россия была страной такой же, как страны Западной Европы, только немножко отставшей в своем развитии, на мой взгляд, ошибочна. Другая точка зрения, славянофилов, — что догонять Западную Европу не надо, потому что у России свой путь, — думаю, была ошибочна тоже. Мысль о «своем» пути строилась не на социальных и экономических особенностях страны, а на русской душе. Это стало ясно, когда началась массовая индустриализация (потому славянофилы тогда отступили, и их, казалось бы, разгромили). Стало ясно потому, что все проходило у вас так, как и в других странах, и русская душа была ни при чем. Но, с другой стороны, и западники, считая, что Россия всего лишь отстала лет на пятьдесят, не понимали, что это не просто отставание, а другие формы развития, что такое отставание само по себе создает новую динамику.

У вас часто говорят о втором эшелоне развития капитализма и Россию относят к нему, как и Японию. Но работы ряда уче-

ных, посвященные Третьему миру, с шестидесятих примерно годов показали, что страны Третьего мира — это отнюдь не повторение того, что происходит в западном мире. И я думаю, что теория развития Третьего мира помогает объяснить, что происходило в России в начале столетия.

Россия в начале столетия оказалась первой «развивающейся» страной. И во время революции 1905 года это было впервые осознано. Сначала, исходя из тезиса, что Россия, по всеобщему убеждению, — отсталая страна, решили, что 1905 год — это 1848 год Европы. И революционеры, и контрреволюционеры настроились именно на такую идею и ожидали революции в городах и противостоящей им консервативной деревни. Ожидали революции в центрах и контрреволюции на окраинах. Ведь революция 1848 года была революцией городов, революцией демократической, социальной. Но оказалось, что 1905 год в России — это полное наоборот. Чрезвычайно революционными были крестьянство и окраины. В конце концов это признали и революционеры, и неревolucionеры. Осмысление происходящего сделано Столыпиным справа, Лениным и Троцким — слева. Это был первый мощный шаг в развитии теории Третьего мира. Революция, которая произошла в 1905 году в России, типична для Третьего мира, но нетипична для стран Европы. И это не вопрос опоздания, это вопрос другого состояния, другого качества, другого развития.

Если сравнивать развитие России с развитием Третьего мира, то, на мой взгляд, многое станет яснее.

Если сущность реалистического мышления состоит в том, чтобы понять и соединить общее и индивидуальное одновременно, то реалистический подход к России именно с этой точки зрения я бы связал с Герценом. Именно Герцен понимал сложность ситуации и над этим работал, поэтому именно он первым подошел к вопросам, которые сегодня стоят перед Советским Союзом. ●

Записано Г. БЕЛЬСКОЙ

Могут быть названы следующие реально существующие эксплоярные экономические формы.

● **Семейная производственная единица**, где логика практических действий диктуется взаимной, не оговоренной ни в каких договорах долгосрочной поддержкой и ожиданием лояльности, а также системой наследования, но не денежной платой за труд.

● **Специализированная (монопольная) мелкая единица** основана на монополии на мастерство, большой гибкости реагирования, личных контактах или преимущественном доступе к некоторым возможностям и ресурсам.

● **Внутрисемейное воспроизводство труда**. Как и у семейной производственной единицы, здесь также имеются надежные характеристики, связанные с родовой структурой и «неформальностью». Но ее цели связаны с социальным воспроизводством семьи, а не с производством изделий на продажу. Исторически эти формы могут поэтому рассматриваться как семейные производственные единицы, освобожденные «модернизацией» от их основных производственных функций и переориентированные на решение других задач, и прежде всего — социальных. Адаптации детей, например, и удовлетворения своих потребностей. В большом городе мать семьи со средним достатком играет роль шофера, перевозя детей из балетной в музыкальную школу. Это отнимает у нее довольно значительное время, но социально необходимо.

● **«Вторая» экономика**, как ее называют венгерские обществоведы, то есть частичная занятость или работа по контрактам вне основной сферы наемного оплачиваемого труда. Эта форма выгодна для тех, кто в ней занят, так как служит дополнительным источником дохода.

● **Черная экономика** («третья», по венгерской терминологии) — деятельность, которая легально не разрешена и, в случае обнаружения, ведет к уголовной ответственности. Она может быть связана и с производством, и с сервисом. Если в странах с «плановой экономикой» такая деятельность обычно представляет собой незаконное использование редких ресурсов, монополизированных государством (возможность чего не исключена и во «второй» экономике), то в экономике «открытого рынка» имеется своя собственная обширная зона — «грязный бизнес», когда люди уклоняются от уплаты налогов, а также контрабанда и «организованная преступность».

Вот те формы эксплоярной экономики, которые связаны с мощной системой и логикой «основных» экономических форм и под их влиянием находятся, но отличаются от них структурно.

Каждый согласится с тем, что, например, роль сапожника или фермера в современном Пенджабе идентична роли сапожника и фермера в доколониальной Индии или их роли в современной Венгрии и Италии. Отличия вызваны тем, что они должны вписываться в различную социально-экономическую среду. Для каждого из них сосуществование с доминирующей общественно-экономической системой и способом производства — вопрос жизни. Вместе с тем их логика значительно отличается от операционной логики как современного «свободного рынка», так и «государственной плановой» экономики. Маргинальные явления в современных экономических системах имеют собственную причинность. Вот почему при внимательном рассмотрении в каждом конкретном случае видна сложная картина национальных социально-экономических систем. Она полна противоречий, но зато в ней отражается действительный динамизм.